

DOI 10.31483/r-109940

Король Наталья Валерьевна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОЛЕЙ УЧАСТНИКОВ ШКОЛЬНОГО БУЛЛИНГА

Аннотация: в главе рассмотрено понятие ролей в буллинге, на основании анализа литературных источников выделены основные роли: агрессор, жертва, свидетель, подкрепляющий поведение буллера, помощник буллера, пассивный наблюдатель, защитник жертвы, а также описаны психологические характеристики школьников, занимающих разные позиции в ситуации буллинга.

Ключевые слова: буллинг, агрессор, жертва, свидетель, подкрепляющий поведение буллера, помощник буллера, пассивный наблюдатель, защитник жертвы.

Abstract: the chapter examines the concept of roles in bullying, based on an analysis of literary sources, the main roles are identified: aggressor, victim, witness who reinforces the bully's behavior, bully's assistant, passive observer, defender of the victim, and also describes the psychological characteristics of schoolchildren occupying different positions in a bullying situation.

Keywords: bullying, bullying, aggressor, victim, witness, reinforcing the bully's behavior, bully's assistant, passive observer, defender of the victim.

При исследовании школьного буллинга и разработке способов интервенции крайне важно рассматривать ситуацию травли как социальный (групповой) процесс. Необходимо учитывать все роли или позиции, которые могут занимать учащиеся в каждом таком эпизоде. Интервенционные усилия должны быть направлены не только на агрессора и жертву, но и на других участников столкновения.

Роль участника отражает модель поведения и характер включения школьника в ситуацию буллинга [39].

Многие исследования, посвященные феномену буллинга, сосредоточены на тех школьниках, которые наиболее явно вовлечены в ситуацию травли, а

именно – на буллере и жертве [3; 5; 30]. Однако нельзя не принимать во внимание социальное влияние других сверстников, которые находятся рядом, но не причастны непосредственно к провокации в ситуации буллинга.

Сверстники присутствуют в 85% случаев травли, и поведение этих стоящих рядом людей может внести свой вклад динамику ситуации, а значит, важно для полноты картины не исключать этих детей при анализе буллинга [34].

Nishina, A. и Juvonen, J [27] доказали, что даже простое наблюдение за школьной травлей может оказать негативное влияние на свидетеля, например, уменьшить его чувство безопасности в школе. В своем исследовании они обнаружили, что за четырехдневный период 42% школьников стали свидетелями хотя бы одного случая притеснений со стороны сверстников. Школьники также сообщили, что чувствовали большее сочувствие к жертве и меньшее беспокойство по поводу инцидента, когда они были свидетелями вербального, а не физического буллинга.

Таким образом, самой многочисленной группой в ситуации буллинга становятся именно непосредственные свидетели. Например, наблюдая за ситуацией травли, некоторые ученики могут поддерживать агрессора, в то время как другие могут пытаться помочь жертве. Важно понимать эффект, который оказывают эти участники на ситуацию буллинга. Наблюдатели эпизода школьной травли могут вести себя по-разному – они могут присоединиться к агрессору и помогать ему активными действиями, другие же поддерживают буллера менее прямыми способами, например, подбадривая его, делая комплименты и смеясь, но не оказывая непосредственную помощь. Обе эти группы подкрепляют поведение буллера и повышают его самооценку. Ведь многими исследователями считается, что наиболее распространенной мотивацией буллинга является желание «чувствовать себя сильным» или «выглядеть круто» [25].

По данным Boulton M.J. и Flemington I [10], двадцать три процента детей сообщают, что их забавляют случаи травли. Сверстники-зрители одним лишь фактом своего пассивного присутствия и внимания также могут распространять

идею, что агрессор обладает определенной властью, что может повысить социальный статус буллера и усилить агрессивное поведение [46]. DeRosier M.E. с коллегами обнаружили, что эта закрепившаяся репутация со временем приобретает форму самореализующегося пророчества, тем самым удерживая жертв и агрессоров в своих ролях [15].

Учитывая доказательства, подтверждающие присутствие сверстников-зрителей, которые подкрепляют буллера в эпизодах травли, следует также задаться вопросом, есть ли наблюдатели, которые поддерживают или помогают жертве. Whitney I. и Smith P.K. обнаружили, что сорок четыре процента детей сообщают, что они делают это. Они попытаются помочь жертве в ситуации травли, а пятьдесят шесть процентов детей сообщают, что они предпочитают держаться подальше от ситуации травли, хотя они и хотели бы помочь жертве. Но даже такое поведение, как полное игнорирование ситуации, можно рассматривать как поощрение буллера. Поэтому важно определить факторы, которые влияют на этих пассивных наблюдателей, которые не помогают жертве, хотя они и хотели бы помочь [45].

При таком расширенном взгляде на роли учащихся в ситуациях буллинга, возникает необходимость измерить эти разнообразные роли надежным и обоснованным способом.

С этой целью Salmivalli С. с коллегами разработали опросник из 49 пунктов для самоотчета и опроса одноклассников, с помощью которого исследовали ролевое поведение участников ситуации травли на выборке 573 финских детей в возрасте 12–13 лет. Чтобы снизить социальную желательность и возникающее беспокойство, когда учащихся просят описать своё собственное поведение, авторы в дополнение к самоотчетам школьников использовали опросы одноклассников. Это позволило исследователям получить более четкое представление о роли каждого ученика в динамике буллинга [39].

Разработанная анкета включает шесть шкал для измерения различных ролей участников буллинга: шкала агрессора; шкала свидетеля, подкрепляющего поведение буллера; шкала помощника; шкала пассивного наблюдателя; шкала защитника и жертвы.

Пункты шкалы агрессора описывают активное, лидерское и инициативное поведение, направленное на издевательство над другими.

Шкала свидетеля, подкрепляющего поведение буллера, включает пункты, описывающие поведение, отражающее тенденцию действовать таким образом, чтобы усилить агрессивное поведение, например, смех над ситуацией, ободряющие комментарии. Эти дети выступают в роли одобряющей аудитории.

Пункты шкалы помощника буллера представляют собой описание поведения последователей агрессора, присоединяющихся к травле, помогающих удерживать жертву, но эти дети не являются непосредственными лидерами и зачинщиками буллинга.

Шкала защитника жертвы включает пункты, описывающие поведение, которое является поддерживающим, утешающим, принимающим сторону жертвы и прилагающим усилия, чтобы помочь остановить ситуацию травли самостоятельно или предупредив взрослого.

Шкала пассивного наблюдателя описывает поведение, которое предполагает игнорирование и ничегонеделание в ситуации травли. Эти дети не предпринимают никаких мер, чтобы справиться с ситуацией, бездействуют.

Шкала жертвы состоит из одного пункта, в которой задается вопрос, подвергается ли ребенок травле.

Salmivalli С. с коллегами обнаружили, что восемьдесят семь процентов детей можно отнести к одной из категорий: 8,2% – агрессоры, 19,5% – свидетели, подкрепляющего поведение буллера, 6,8% – помощники, 17,3% – защитники, 23,7% – пассивные наблюдатели и 11,7% – жертвы. Остальные школьники не имели идентифицируемой роли (12,7%). Также наблюдалась значительная половая разница: больше девочек были защитниками и пассивными наблюдателями,

больше мальчиков выступало в роли агрессоров, жертв и свидетелей, подкрепляющих поведение буллера [39].

Важно отметить, что эти роли четко не разделены и нестабильны во времени. В какой-то момент агрессор может стать чьей-то жертвой («агрессивная жертва»). Кроме того, все учащиеся, даже те, которые являются буллерами или жертвами, иногда становятся свидетелями травли. Это одна из причин, почему буллинг является настолько сложным феноменом и почему меры по его профилактике должны быть разносторонними.

Рассмотрим каждую из ролей более подробно.

Буллер

Вопреки распространенному мнению, агрессоры не обязательно социально некомпетентны; у них часто бывает высокий социальный статус в своей группе. Однако Olweus D. обнаружил, что у буллеров есть то, что он назвал «тремя взаимосвязанными мотивами»: потребность во власти и доминировании, стремление получить прямую выгоду от агрессии и, в определенной степени, враждебность к окружающей среде [31]. Буллеры, как правило, не любят школу [19], часто очень озабочены своим имиджем внутри группы и чрезмерно чувствительны к критике и инакомыслию [9]. Поэтому буллеры обычно агрессивны не только по отношению к сверстникам, но и по отношению к родителям, а также учителям [31]. При этом у них чаще возникают проблемы с психическим здоровьем по сравнению с одноклассниками [14]. Albores-Gallo L. с соавторами выявили, что буллеры и «агрессивные жертвы» имели самый высокий уровень поведенческих расстройств, синдром дефицита внимания и гиперактивности, тревожность и соматические симптомы, превосходящие даже те, которые демонстрируют жертвы травли. Это показывает, что буллерам нужен не только контроль и дисциплина, но и повышенная забота [6].

Помимо проблем, с которыми агрессоры сталкиваются в школьные годы, существуют и отсроченные негативные последствия, связанные с таким поведением. Если учащиеся понимают, что травля других поможет им достичь своих целей, у них не развиваются социальные навыки и низкий уровень уважения к

социальным нормам и правилам. В своем лонгитюдном исследовании Kumrulinen К. с коллегами изучили 1268 школьников младших классов, акцентируя внимание на их роль в буллинге и наличие психиатрических симптомов. Четыре года спустя они снова опросили участников, когда те учились в шестом классе. Результаты показали, что буллеры и «агрессивные жертвы» с большой вероятностью продолжали участвовать в травле, имели психиатрические симптомы и признаки девиантного поведения [23]. В более позднем возрасте они также чаще сталкивались с проблемами в межличностном общении, построении отношений и неудачами в карьере [12]. Бывшие школьные буллеры имеют значительно более высокую вероятность иметь судимость в молодом возрасте [31].

Таким образом, сокращение случаев травли в школе полезно не только для жертв, но и для благополучия агрессоров и всего образовательного сообщества в целом.

Жертвы

Жертвы – это школьники, подвергающиеся агрессии со стороны буллеров. Многие исследования концентрируются на причинах того, почему ребенок становится жертвой травли. Хотя учащиеся (а иногда учителя и родители) часто полагают, что причиной являются некие «внешние отклонения» (выделяющиеся характеристики ребенка), о чем говорил Olweus D., это не всегда так. Он обнаружил, что доля учащихся с «девиантными» чертами среди школьников, которые подвергаются травле, схожа с долей учащихся с «девиантными» чертами характера среди школьников, над которыми не издеваются. Однако он обнаружил, что жертвы, как правило, более тревожны, не уверены в себе и заметно реагируют на травлю [31]. Хотя, возможно, тревога и неуверенность могут быть результатом травли, а не причиной. Также понятно, что жертвы отреагируют более явно, когда на них нападают. Однако трудно однозначно определить, является ли тревога и склонность к более яркой реакции на травлю импульсом к тому, что ученик станет мишенью или это последствия буллинга.

Конечно, есть некоторые социальные группы, которые более уязвимы для агрессоров, по сравнению с другими. Eisenberg М.Е. с коллегами исследовали

связь между школьной травлей и весом, а также инвалидностью. Результаты этого исследования показали, что школьники, имеющие избыточный вес, а также школьники с нарушениями в эмоциональной сфере с большей вероятностью становились жертвами [16].

Важным фактором также является отсутствие социальной поддержки в школьной среде. Исследование Vega López на 1706 мексиканских школьниках продемонстрировало, что отсутствие социальной поддержки было важным предиктором травли. Объяснением этому может быть тот факт, что школьники, которые находятся под опекой и защитой группы, считаются менее доступными, в то время как учащиеся, находящиеся в изоляции, воспринимаются как легкая мишень. Именно поэтому в школе существует большой риск травли новых учеников. Если они не будут быстро приняты в группу друзей, они могут стать козлами отпущения и жертвами буллинга [44].

Понятно, что травля влечет за собой широкий спектр негативных последствий для жертв. Жертвы с высокой вероятностью будут испытывать тревогу, депрессию, низкую самооценку и чувство собственной неадекватности, поскольку чувствуют, что их отвергают сверстники [32].

Группа исследователей из США, изучавшая взаимосвязь между самооценкой и образом тела, продемонстрировала, что насмешки по поводу веса оказывают более сильное воздействие влияние на самооценку, чем сам избыточный вес [24].

Это иллюстрирует какую большую власть имеют буллы над своими жертвами. Учащиеся, над которыми издеваются, склонны чувствовать себя менее компетентными, им труднее общаться не только со своими сверстниками, но и со своими родителями и учителями [26]. Буллинг также отрицательно коррелирует с академической успеваемостью жертвы: виктимизация снижает мотивацию учащихся и способствует прогулам занятий, поскольку учащийся, над которым издеваются, хочет максимально избежать насильственного сценария [12].

В своем исследовании студентов колледжей Young-Jones с коллегами обнаружили, что студенты, над которыми издевались, и студенты, над которыми издевались в прошлом, сообщили о более низком уровне академической мотивации и чувстве компетентности [47].

Проблемы с психическим здоровьем сохраняются ещё долго после прекращения травли. Обзор лонгитюдных исследований, проведенный Arseneault L., указывает, что люди, над которыми издевались в детстве, имели более высокий уровень тревоги, депрессии, панических расстройств и суицидальных наклонностей в зрелом возрасте [7].

Бывшие жертвы также с большей вероятностью будут иметь сложности с финансами, физическим здоровьем и социальными отношениями [47].

Однако есть еще один элемент картины, который следует учитывать: случаи травли имеют тенденцию происходить в присутствии свидетелей. Их роль и влияние рассмотрим далее.

Свидетели буллинга

Хотя учащиеся, а зачастую и учителя, администрация и семьи, часто думают, что свидетели не играют никакой роли в динамике травли, это далеко не так. Буллинг – это групповое явление, и для того, чтобы травля была распространена в среде школьников, должны быть созданы соответствующие условия и механизмы [31].

В своем исследовании 1999 года O'Connell P. и соавторы наблюдали естественное взаимодействие на детской площадке в Торонто и записывали случаи травли и тип вмешательства свидетелей, которое последовало за этим. Анализируя взаимодействия детей, они обнаружили, что большинство случаев травли происходит в присутствии свидетелей, которые с большей вероятностью ведут себя так, чтобы подкрепить агрессора, а не поддержать жертву. Это поведение позволяет им разделить власть с буллером и защищает их самих от покушений [29].

В половине случаев издевательств также присутствуют пассивные свидетели, которые не вмешиваются. Авторы пришли к выводу, что травля становится

возможной благодаря тому, что агрессоры обладают социальной властью, а просоциальное участие свидетелей сильно ограничено из-за страха бросить вызов буллеру [29].

Наблюдения O'Connell P. и других ученых дали представление о том, как, хотя большинство свидетелей не одобряют издевательства, они реагируют таким образом, чтобы помочь агрессору сохранить свое социальное доминирование [13].

Однако на самом деле буллеры также сильно зависят от свидетелей. Например, им нужны социальные вознаграждения, такие как внимание и одобрение со стороны, чтобы обеспечить свою безопасность и их положение в группе [40].

Salmivalli C. с коллегами провели исследование, результаты которого доказали, что защищающее поведение свидетелей значимо и отрицательно коррелировало с уровнем буллинга в классе: чем больше в классе защитников, тем меньше инцидентов, связанных с травлей [41].

Вмешательство наблюдателя является очень эффективным. Hawkins L. провел естественное наблюдение за 58 учениками начальной школы, выступавшими в роли защитников жертв. Его результаты показали, что 57% случаев травли, в которых вмешивался защитник, заканчивались немедленно. Однако он также заметил, что, хотя свидетели присутствовали в большинстве ситуаций травли, они вмешивались только в 20% инцидентов [20].

Вмешательство свидетелей не только оказывает положительное влияние на поведение агрессоров, но и на эмоциональное благополучие жертв. Sainio M. выявил, что буллинг негативно коррелирует с популярностью и самооценкой, но наличие защитника может уменьшить эти эффекты. Жертвы, у которых есть хотя бы один защитник, демонстрируют меньше симптомов тревоги и депрессии, лучше адаптированы, чем их сверстники, которым не хватает социальной поддержки [38].

Forsberg C. с коллегами пытались определить, что влияет на поведение свидетелей. Они выявили, что защищающее поведение было связано с верой в невиновность жертвы или интерпретацией ситуации как серьезной. Подкрепляющее

агрессора и пассивное поведение объяснялось восприятием ситуации, как не требующей вмешательства или обвинением жертвы в том, что она сделала что-то неправильное и вела себя недружелюбно [17]. Эти результаты согласуются с исследованием Gini G.: терпимость школьников к буллингу увеличивает обвинение и негативную оценку жертвы, поскольку школьное сообщество оправдывает свое бездействие, заключая, что жертвы буллинга сделали что-то плохое, чтобы заслужить оскорбления и подобное отношение [18].

Участие свидетелей очень полезно для общего школьного климата. Активный защитное поведение является важным предиктором более низкого уровня буллинга в школе и более высокого чувства безопасности. Это справедливо не только для жертв издевательств, но и для всех учащихся [18; 40].

Если школьники видят, что, когда над сверстником кто-то издевается, другие вступаются и защищают жертву, они будут рассчитывать на помощь, если когда-нибудь сами окажутся в такой ситуации. Это помогает учащимся почувствовать, что они находятся в более безопасной и заботливой среде. То, что учащийся видит помогающую реакцию других свидетелей на травлю, побуждает его идентифицировать ситуацию как социальную несправедливость и также вмешаться [18].

С другой стороны, социальная тревожность значительно выше в классах, где школьники подкрепляют действия агрессора и не защищают жертву. Если ученики видят, что их сверстники одобряют травлю и не препятствуют ей, они понимают, что жертвы предоставлены сами себе, что приводит к страху тоже стать мишенью [22].

Как уже говорилось ранее, роль наблюдателя, которую выбирают учащиеся, (подкрепление буллера, пассивное наблюдение или защита жертвы) имеет важное значение. Это дает четкое сообщение – либо школьное сообщество будет терпеть поведение агрессора и останется равнодушным к боли жертвы, либо оно поддержит одноклассников, подвергшихся травле, и выступит против агрессоров. Другая причина, по которой свидетели могут оказать большую помощь в

борьбе с травлей, заключается в том, что свидетели имеют более четкое представление о социальной динамике своей группы и могут легко распознать намерение причинить вред, в то время как учителям часто трудно отличить школьную травлю от столкновений по обоюдному согласию и с равенством сил.

Кроме того, многие школьники неохотно обсуждают собственную виктимизацию со старшими. Однако они чувствуют себя более комфортно, разговаривая с учителями о проблемах своих сверстников. Клеймо «ябеды» уменьшается, когда студенты чувствуют, что они могут таким образом постоять за своих сверстников [25].

Поведение свидетелей также имеет жизненно важное значение при кибербуллинге. Зачастую взрослые просто не подозревают о наличии этой проблемы в классе. Исследование Quirk R. и Campbell M., посвященное свидетелям кибербуллинга, показало, что, хотя учащиеся знают о ситуациях кибербуллинга, они с большей неохотой сообщают об агрессии, которую они наблюдают. С большей вероятностью свидетели сообщают об агрессии, увиденной лично, чем об агрессии, наблюдаемой онлайн. Это приводит к тому, что пассивное поведение является преобладающим в ситуациях кибербуллинга [36]. Однако более активное участие сверстников могло бы сильно помочь жертве и улучшить ситуацию, поэтому нужна разработка и внедрение методов просоциального поведения, которые могли бы применять свидетели, и которые бы подходили именно для электронной среды.

Когда мы говорим об учениках, которые предпочитают защищать или утешать сверстников, над которыми издеваются, речь идет о школьном просоциальном поведении. Просоциальное поведение можно определить, как действия, которые приводят к выгоде или благополучию других людей [25]. Исследования показали, что большая часть студентов утверждает, что не одобряют ситуации школьной травли [13; 41], до 83% находят это неприятным [29], и до 43% заявляют, что они определенно или вероятно вмешаются, если они станут свидетелями буллинга [37]. Несмотря на это, хотя учащиеся, как правило, положительно

относятся к сверстникам, которые защищают жертв, пассивных свидетелей гораздо больше, чем студентов, которые что-то делают чтобы смягчить случаи травли [13]. На самом деле, поведение студентов-свидетелей с гораздо большей вероятностью поддерживают травлю, чем помогают уменьшить ее [39].

В исследовании Чапин и Брайак (2016) были получены интересные результаты: 100% школьников сообщили в опросе, что они вмешались бы в ситуацию травли и помогли жертве, однако реально вмешались в ситуацию травли в прошлом лишь 60% детей [25]. Это может означать, что, хотя большинству школьников нравится думать, что они помогут, это не всегда приводит к реальному поведению. Вероятно, в ответах школьников проявляется феномен социальной желательности, дети понимают, какого ответа от них ожидают (что они скажут, что помогут), даже если они не хотят так действовать, когда сталкивался с ситуациями травли в реальности.

Многие исследования концентрировались на личностных особенностях детей, становящихся защитниками в ситуации буллинга. Tani F. С коллегами обнаружили, что у защитников самый высокий уровень дружелюбия и самые низкие уровни эмоциональной нестабильности, а наиболее эмоционально нестабильными являются жертвы и агрессоры [43]. Pronk J. обнаружил, что, хотя и защитники, и пассивные наблюдатели могут иметь высокий уровень доброжелательности, защитники, как правило, более экстравертны [35].

Кроме того, высокий уровень дружелюбия, вежливости и экстраверсии может означать, что защитники обладают более высоким уровнем популярности и, следовательно, находятся в лучшем социальном положении, чтобы помочь пострадавшим сверстникам.

Другие исследования показали, что эмпатия играет большую роль в том, решат ли учащиеся помогают сверстникам, над которыми издеваются, будучи одним из важнейших предикторов защитного поведения [8].

Многочисленные исследования изучали влияние самооэффективности и моральных ценностей на динамику травли среди школьников. Gini G. С соавторами

провели мета-анализ 27 исследований, в которых изучалась связь между отчуждением моральной ответственности и агрессивным поведением среди детей и подростков. Была обнаружена значительная корреляция: чем выше уровень отчуждения моральной ответственности, тем выше вероятность агрессивного поведения [18]. Obermann M. обнаружил, что отчуждение моральной ответственности положительно коррелирует с буллингом и другими видами агрессивного поведения [28].

Отчуждение моральной ответственности означает совокупность когнитивных механизмов, которые способствуют отъединению внутренних моральных стандартов от действий человека, облегчают его вовлеченность в неэтичное поведение и помогают не переживать при этом стресс [4].

Отчуждение моральной ответственности, возникающее для облегчения чувства вины за травлю или сохранения пассивности в данной ситуации потенциально может влиять на то, как люди реагируют на асоциальное поведение в течение своей жизни. Отчуждение моральной ответственности распространено среди преступников, которые рассматривают своё поведение как морально достойное, обвиняя жертв и реабилитируя себя [21].

Отметим, что в отличие от традиционных буллеров, кибербуллеры не являются свидетелями результатов агрессии и не видят последствий, которые их действия оказали на жертв. Это явление снижает сочувствие к жертвам и сильно облегчает хулиганам отчуждение моральной ответственности [25].

В своем исследовании индивидуальных мотивов, связанных с вмешательством свидетеля в ситуации буллинга, Cappadocia M. C. обнаружил, что студенты, которые говорят, что помогли бы пострадавшим сверстникам объяснить свою решение с такими аргументами, как «никто не заслуживает издевательств», «это несправедливо» и «издевательства» студентам нужна моя помощь». С другой стороны, большинство студентов, решивших оставаться пассивными оправдывали себя отчуждением моральной ответственности или минимизацией вреда с помощью таких аргументов, как «травля была не такой уж сильной» и «это не моя проблема». Отчуждение моральной ответственности играет важную роль не

только в представлениях студентов о буллинге, но и роли свидетеля, которую они выбирают. Отчуждение моральной ответственности может быть использовано буллером и помощниками буллера, чтобы оправдать свою роль в инциденте, или пассивными наблюдателями, чтобы снизить моральное давление и дискомфорт от того, что сверстники продолжают подвергаться травле [11].

В своем исследовании 2013 года Торнберг и Юнгерт обнаружили положительную корреляцию между отчуждением моральной ответственности и поддержкой травли: учащиеся, демонстрирующие высокий уровень отчуждения моральной ответственности, с большей вероятностью будут аплодировать и поддерживать буллера [25]. Моральное отстранение также можно использовать для смягчения вины, связанной с пассивным поведением свидетеля. В своем лонгитюдном исследовании Дорамаджян и Буковски в 2015 году показали, что отчуждением моральной ответственности положительно коррелирует с пассивным поведением свидетеля и отрицательно коррелирует с защитным поведением. Кроме того, казалось, что связь между отчуждением моральной ответственности и пассивным ожиданием может стать стабильной с течением времени; чем больше школьники использовали этот механизм, тем меньше они думали о том, чтобы помочь сверстникам, над которыми издеваются [25].

Сонг и О провели аналогичное исследование, чтобы найти факторы, которые коррелирует с помогающим поведением свидетелей. Их выводы показали, что, хотя нет корреляция между количеством свидетелей, присутствующих в ситуациях травли, и вероятностью, что ученик будет защищать своего сверстника, над которым издеваются, существует значительная отрицательная корреляция между помогающим поведением и отчуждением моральной ответственности [25].

В своем исследовании того, почему школьники выбирают роль пассивных свидетелей, Carradocia, M. C. обнаружил, что, хотя многие дети, которые остаются пассивными в отношении буллинга, приводят аргументы, связанные с отчуждением моральной ответственности, некоторые утверждают, что не помогают, потому что боятся или не знают, что делать. Это говорит о том, что важно

не только мотивировать учащихся помогать сверстникам, подвергшимся травле, но и проинструктировать их о том, что и как они могут сделать, чтобы оказать эффективную помощь пострадавшим [11].

Адекватная самооффективность также важна для превращения намерения помочь в действие. Ригби и Джонсон доказали, высокая самооффективность и восприятие того, что сверстники ожидают от них вмешательства, было предиктором готовности вмешаться в ситуации буллинга [37].

В исследовании Волковой И.В. среди свидетелей 33% сочувствовали жертве, но не вмешивались, 54% стремились защитить жертву. Из компонентов благополучия значимым предиктором поведения защитника была компетентность в управлении окружением, из компонентов субъектности – понимание своей уникальности. Результаты также отражают высокий уровень самооффективности у подростков-защитников в ситуации буллинга, то есть в данном исследовании самооффективность тоже была значимым предиктором помогающего поведения [2].

Восприятие студентами собственной популярности также влияет на их самооффективность и готовность вмешаться. Пейхёнен и коллеги обнаружили, что наряду с самооффективностью и эмпатией, восприятие своего высокого социального статуса в группе заставляет школьников более активно защищать жертву [25]. Эти результаты были подтверждены Reets с соавторами, которые пришли к выводу, что самооффективность, эмпатия и социальная популярность являются предикторами успеха защищающего поведения [33].

Это может быть связано с тем, что студенты, которые считают, что их социальное положение безопасно, с большей вероятностью примут на себя риск защиты жертвы. Кроме того, школьники, которые считают, что их вмешательство будет хорошо оценено из-за уровня их влияния в группе, могут быть более уверены в своей способности помочь.

Ситджема и коллеги также обнаружили, что наблюдение за тем, как другие школьники защищают жертв травли, может побудить свидетелей последовать их

примеру, поскольку если защита становится групповой, дети будут меньше бояться мести буллера [25].

В исследовании Lopez Romero было выявлено, что главным способом борьбы с травлей школьники считают предупреждение взрослых. Многие школьники также считали, что свидетели могут быть эффективными в утешении жертв и противостоянии агрессорам. Однако во многих случаях эти идеи не воплощаются в действия. Главная причина, по которой учащиеся не решаются вмешаться, заключается в страхе перед более сильными сверстниками, что они примут ответные меры и защитники сами станут жертвами буллинга [25].

По данным Алексеевой Е.В. находясь в ситуации буллинга «агрессоры» склонны к большему личностному контролю над ситуацией, нежели «защитники». Это может быть связано с тем, что именно данная категория подростков является инициаторами травли, т.е. они сознательно создают стрессовую ситуацию и, как следствие, способны ее контролировать, в то время как для «защитников жертв» вступление в буллинг обусловлено множественными последствиями. Например, если противник окажется сильнее, существует реальный риск причинения вреда здоровью и субъективному благополучию [1].

При борьбе с буллингом необходимо не только давать школьникам информацию о различных вариантах помощи жертве. Чтобы школьники воплотили эти знания в жизнь, нужно, чтобы они не боялись мести агрессора и чувствовали поддержку со стороны сверстников и персонала школы. Учащиеся должны быть уверены, что они также будут защищены. Поэтому участие всего образовательного сообщества и его поддержка жизненно важны для борьбы с травлей.

Список литературы

1. Алексеева Е.В. Личностные ресурсы защитников жертвы и агрессоров, участников буллинга в ситуации морального выбора / Е.В. Алексеева, А.П. Николаева // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сборник статей по материалам Международной

научно-практической конференции, посвящается 75-летию Гуманитарно-педагогической академии / под ред. В.В. Коврова. – 2019. – С. 248–251. – EDN JPQPAH

2. Волкова И.В. Характеристики субъектности и психологического благополучия у подростков-защитников в ситуации буллинга в школе / И.В. Волкова // Психология человека в образовании. – 2019. – Т. 1. №2. – С. 110–116. DOI: 10.33910/2686-9527-2019-1-2-110-116. – EDN GZNBUK

3. Королев А.А. Взаимосвязь типа личности жертвы со спецификой воздействия буллинга / А.А. Королев // Психолог. – 2021. – №4. – С. 1–10. – DOI 10.25136/2409-8701.2021.4.36256. – EDN EYLYIH

4. Ледовая Я.А. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения / Я.А. Ледовая, Р.В. Тихонов, О.Н. Боголюбова [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2016. – №4. – С. 23–39. – DOI 10.21638/11701/spbu16.2016.402. – EDN YFMSBJ

5. Обухова Ю.В. Образ сверстника – жертвы буллинга у школьников с разной выраженностью виктимного поведения / Ю.В. Обухова, В.О. Гурьева // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14. №2. – С. 118–134. – DOI 10.21702/rpj.2017.2.7. – EDN WIGASK

6. Albores-Gallo L., Saucedo-García J.M., Ruiz-Velasco S., Roque-Santiago E. Bullying and its association with psychiatric disorders in a Mexican school sample // Salud Pública de México. – 2011. – Vol. 53. №3. – P. 220–227.

7. Arseneault L. The long-term impact of bullying victimization on mental health // World psychiatry. – 2017. – №16 (1). – P. 27–28.

8. Barchia K., Bussey K. Predictors of student defenders of peer aggression victims: Empathy and social cognitive factors // International Journal of Behavioral Development. – 2011. Vol. 35. №4. – P. 289–297.

9. Baumeister R.F., Stillwell A.M., Heatherton T.F. Guilt: an interpersonal approach // Psychological bulletin. – 1994. – №115 (2). – P. 243. – EDN HKCNOD

10. Boulton M.J., Flemington I. The effects of a short video intervention on secondary school pupils' involvement in definitions of and attitudes to-wards bullying //

School Psychology International. – 1996. – Vol. 17. – P. 331–345. – DOI 10.1177/0143034396174003. – EDN JPWBAR

11. Cappadocia M.C., Pepler D., Cummings J.G., Craig W. Individual motivations and characteristics associated with bystander intervention during bullying episodes among children and youth // Canadian Journal of School Psychology. – 2012. – Vol. 27 (3). – P. 201–216.

12. Coloroso B. The Bully, the Bullied and the Bystander. – New York, NY: Harper Collins, 2003. – 272 p.

13. Craig W.M. The relationship among bullying, victimization, depression, anxiety, and aggression in elementary school children // Personality and individual differences. – 1998. – Vol. 24 (1). – P. 123–130.

14. Cowie H., Colliety P. Who cares about the bullies? // Pastoral Care in Education. – 2016. – Vol. 34 (1). – P. 24–33.

15. DeRosier M.E., Cilleson A.H.N., Coie J.D., Dodge K. Group social context and children's aggressive behavior // Child Development. – 1994. – Vol. 65. – P. 1068–1079.

16. Eisenberg M.E., Gower A.L., McMorris B.J., Bucchianeri M.M. Vulnerable Bullies: Perpetration of Peer Harassment Among Youths Across Sexual Orientation, Weight, and Disability Status // Am J Public Health. – 2015. – Vol. 105 (9). – P. 1784–1791.

17. Forsberg C., Thornberg R., Samuelsson M. Bystanders to bullying: fourth-to seventh-grade students' perspectives on their reactions // Research Papers in Education. – 2014. – Vol. 29 (5). – P. 557–576.

18. Gini G., Pozzoli T., Borghi F., Franzoni L. The role of bystanders in students' perception of bullying and sense of safety // Journal of School Psychology. – 2008. – Vol. 46 (6). – P. 617–638.

19. Harel-Fisch Y., Walsh S.D., Fogel-Grinvald H., Amitai G., Pickett W., Molcho M., Due P., De Matos M.G., Craig W. Negative school perceptions and involve-

ment in school bullying: A universal relationship across 40 countries // *Journal of Adolescence*. – 2011. – Vol. 34 (4). – P. 639–652. – DOI 10.1016/j.adolescence.2010.09.008. – EDN OLTQNB

20. Hawkins L., Pepler D., Craig W. Naturalistic observations of peer interventions in bullying // *Social development*. – 2001. – Vol. 10 (4). – P. 512–527.

21. Hymel S., Schonert-Reichl K.A., Bonnano R.A., Vaillancourt T., Henderson N.R. Bullying and morality. *Handbook of bullying in schools: An international perspective*. – 2010. – P. 101–118.

22. Kärnä A., Voeten M., Poskiparta E., & Salmivalli C. Vulnerable children in varying classroom contexts: Bystanders' behaviors moderate the effects of risk factors on victimization // *Merrill-Palmer Quarterly*. – 2010. – Vol. 56 (3). – P. 261–282.

23. Kumpulainen K., Räsänen E., Henttonen I. Children involved in bullying: Psychological disturbance and the persistence of the involvement // *Child abuse & neglect*. – 1999. – Vol. 23 (12). – P. 1253–1262.

24. Kutob R.M., Senf J.H., Crago M., & Shisslak C.M. Concurrent and longitudinal predictors of self-esteem in elementary and middle school girls // *Journal of School Health*. – 2010. – Vol. 80 (5). – P. 240–248.

25. Lopez Romero Maria E. The perceived role of bullying bystanders in Mexican secondary school settings. PhD thesis. – University of York. – 2017. – 375 p.

26. Nation M., Vieno A., Perkins D., Santinello M. Bullying in school and adolescent sense of empowerment: an analysis of relationships with parents, friends, and teachers // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. – 2008. Vol. 18 (3). – P. 211–232.

27. Nishina A., Juvonen J. Daily reports of witnessing and experiencing peer harassment in middle school // *Child Development*. – 2005. – Vol. 76. – P. 435–450.

28. Obermann M.L. Temporal aspects of moral disengagement in school bullying: crystallization or escalation? // *Journal of school violence*. – 2013. – Vol. 12 (2). – P. 193–210.

29. O'Connell P., Pepler D., Craig W. Peer involvement in bullying; insights and challenges for intervention // *Journal of Adolescence*. – 1999. – Vol. 22 (4). – P. 437–452. – EDN GRGPFF

30. Olweus D. Bully/victim problems among school-children: Basic facts and effects of a school based intervention program // Pepler D., Rubin K. *The development and treatment of childhood aggression*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991. – P. 411–448.

31. Olweus D. *Bullying at school: What we know and what we can do*. Malden, MA: Cambridge, 1993. – 140 pp.

32. Paul J.J., Cillessen A.H. Dynamics of peer victimization in early adolescence: Results from a four-year longitudinal study // *Journal of applied school psychology*. – 2003. – Vol. 19 (2). – P. 25–43.

33. Peets K., Poyhonen V., Juvonen J., Salmivalli C. Classroom Norms of Bullying Alter the Degree to Which Children Defend in Response to Their Affective Empathy and Power // *Developmental Psychology*. – 2015. – Vol. 51 (7). – P. 913–920.

34. Pepler D.J., Craig W.M. A peek behind the fence: Naturalistic observations of aggressive children with remote audiovisual recording // *Developmental Psychology*. – 1995. – Vol. 31. – P. 548–553. – EDN HFZVXN

35. Pronk J., Olthof T., & Goosens F. Factors Influencing Interventions on Behalf of Victims of Bullying: A Counterfactual Approach to the Social Cognitions of Outsiders and Defenders // *Journal of Early Adolescence*. – 2016. – Vol. 36 (2). – P. 267–291.

36. Quirk R., Campbell M. On standby? A comparison of online and offline witnesses to bullying and their bystander behavior // *Educational Psychology*. – 2015. – Vol. 35 (4). – P. 430–448.

37. Rigby K., Johnson B. Expressed readiness of Australian schoolchildren to act as bystanders in support of children who are being bullied // *Educational psychology*. – 2006. – Vol. 26 (3). – P. 425–440.

38. Sainio M., Veenstra R., Huitsing G., Salmivalli C. Victims and their defenders: A dyadic approach // *International Journal of Behavioral Development*. – 2010. – Vol. 35 (2). – P. 144–151.

39. Salmivalli C., Lagerspetz K., Björkqvist K., Österman K., Kaukiainen A. Bullying as a group process: Participant roles and their relations to social status within the group // *Aggressive behavior*. – 1996. – Vol. 22 (1). – P. 1–15.

40. Salmivalli C. Participant roles in bullying: How can peer bystanders be utilized in interventions? // *Theory Into Practice*. – 2014. – Vol. 53 (4). – P. 286–292.

41. Salmivalli C., Voeten M., Poskiparta E. Bystanders matter: Associations between reinforcing, defending, and the frequency of bullying behavior in classrooms // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. – 2011. – Vol. 40 (5). – P. 668–676.

42. Sharp S., Cowie H. Empowering pupils to take positive action against bullying / Smith P.K., Sharp S., editors. *School Bullying: Insights and Perspectives*. – London: Routledge. – 1994. – P. 108–131.

43. Tani F., Greenman P., Schneider B., Fregoso M. Bullying and the Big Five: A Study of Childhood Personality and Participant Roles in Bullying Incidents // *School Psychology International*. – 2013. – Vol. 24 (2). – P. 131–146.

44. Vega López M.G., González Pérez G.J., Valle Barbosa M.A., Flores Villavicencio, M. E., Vega López, A. Bullying in the Guadalajara, Mexico metropolitan zone: prevalence and related factors // *Salud colectiva*. – 2013. – Vol. 9 (2). – P. 183–194.

45. Whitney I., Smith P.K. A survey of the nature of bullying in junior/middle and secondary schools // *Educational Research*. – 1993. – Vol. 35. – P. 3–25.

46. Wright J.C., Zakriski A.L., Fisher P. Age differences in the correlates perceived dominance // *Social Development*. – 1996. – Vol. 5. – P. 24–40.

47. Young-Jones A., Fursa S., Byrket J.S., Sly J.S. Bullying Affects More than Feelings: The Long-Term Implications of Victimization on Academic Motivation in Higher Education. *Social Psychology Of Education: An International Journal*. – 2015. – Vol. 18 (1). – P. 185–200.

Король Наталья Валерьевна – магистр, старший преподаватель УО «Белорусский государственный университет», Минск, Республика Беларусь.
